

DOI:10.26104/NNTIK.2022.65.91.074

Тойчиев М.Т.

**КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ ЭЛЕ СӨЗҮНҮН КЕЛИП ЧЫГЫШЫН АЛТАЙ ТИЛИ
МЕНЕН САЛЫШТЫРЫП ИЛИКТӨӨ МАСЕЛЕСИНЕ КАРАТА**

Тойчиев М.Т.

**К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ СЛОВОФОРМЫ ЭЛЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С АЛТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ**

M. Toichiev

**ON THE OF ETYMOLOGIZATION OF KYRGYZ WORD FORM ЭЛЕ
IN COMPARISON WITH THE ALTAI LANGUAGE**

УДК: 811.512.1'373.612

Макалада эле сөзүнүн мааниси алгач ирет алтай тили менен ар тараптуу салыштырма талдоого алынып, анын байыркы түрк тилиндеги эр көмөкчү этишине тикелей байланышы бар экендиги көрсөтүлөт. Адабий тилдеги эле жана ичкилик говорундагы эде формаларынын маанилештик касиетинин чоо-жайы таптакыр жаңыча өңүттөн каралат. Автор байыркы эле бөлүкчөсүнүн пайда болушун байыркы түрк тилинин э(р) көмөкчү этиши менен –ла процессуалдык-интенсивдүүлүк аффикси менен айкашуусуна байланыштырып, ал байыркы этиштик касиетин азырга чейин жогото электиги жөнүндө божомол пикир айтат. Ал азыркы алтай тилиндеги ла бөлүкчөсү байыркы кыргыз тилиндеги эле бөлүкчөсүнүн толук грамматикалашкан, бирок кыскарган түрү деп эсептейт.

Негизги сөздөр: кыргыз тили, алтай тили, көмөкчү этиш, бөлүкчө, аффикс, процессуалдык интенсивдүүлүк, грамматикалдашуу.

В статье впервые предпринимается семантическое толкование словоформы эле, где на материале кыргызского и алтайского языков показана её непосредственная связь с древнетюркским вспомогательным глаголом э(р). В этом контексте представлена принципиально новая интерпретация обстоятельств равнозначности форм эле и эде. Автор считает, что словоформа эле образовалась в результате слияния древнетюркского вспомогательного глагола эр в значении быть, грамматикализовавшись в функции частицы, хотя она некоторые глагольные черты сохранила. На этом основании выдвинута гипотеза о наличии глагольных признаков у частицы эле современного кыргызского языка. Автор полагает, что формант ла представляет собой полностью грамматикализованный, но видоизмененный вариант древнекыргызской частицы эле.

Ключевые слова: кыргызский язык, алтайский язык, вспомогательный глагол, частица, аффикс, процессуальная интенсивность, грамматикализация

The article for the first time undertakes a semantic interpretation of the word form эле, where its direct connection with the ancient Turkic auxiliary verb e(r) is shown on the material of the Kyrgyz and Altaic languages. In this context, a fundamentally new interpretation of the equivalence of the forms эле and эде is presented. A hypothesis is put forward about the verbal signs of the particle эле of the Kyrgyz language. The author believes that the formant -la represents a fully grammaticalized, but modified version of the ancient Kyrgyz particle эле.

Key words: Kyrgyz language, the Altai language, auxiliary verb, particle, affix, procedural intensity, grammaticalization

Словоформа эле относится к разряду лексем современного кыргызского языка, которые отличаются многозначностью. В соответствующих лексикографических источниках приводятся её различные омонимичные значения, однако наиболее частотными и проблемными и потому, на наш взгляд, требующими специального изучения являются случаи, когда она выступает в функции частицы и глагольной формы; проблемность связана с не разработанностью вопроса об её происхождении.

Кыргызская форма категорического прошедшего времени на /-ды/ в виде эле выглядит весьма обособленной на фоне общности глагольной формы с аналогичной семантикой эди/эрти родственных языков не только Сибири, Поволжья и т. д., но и Средней Азии (читатель легко может убедиться в этом, обратившись к соответствующим источникам по грамматике этих языков).

Как утверждает Б.М. Юнусалиев, «древнетюркский вспомогательный глагол э встречается в современных родственных языках только в значениях прошедшего времени в форме эди (в большинстве тюркских языков), эле (в северных и юго-восточных диалектах кыргызского языка), а в юго-западных (ичкилик) диалектах кыргызского языка встречается в форме эде» [1, с. 175; о глаголе э(р) см. также в 2, с. 175 и 3, с. 218-220.] (перевод М.Т.). Ныне словоформа эле представляет не диалект, а современный кыргызский литературный язык, который, как известно, «образовался на базе общих для всех диалектных признаков, однако с несколько большим отражением особенностей северной группы говоров» [4, с. 82].

Словоформа эле в функции частицы более универсальна, чем в функции глагола: «в литературном языке вспомогательный глагол эле по форме совпадает с ограничительно-выделительной частицей эле... Ограничительно-выделительная частица эле во всех кыргызских диалектах... употребляется в форме эле» [1, с. 175] (перевод М.Т.).

К.К. Юдахин, описывая словоформу эле, среди прочих ее значений, в первую очередь определил ее

как частицу, служащую для ограничения или придания обороту речи категоричности [5, с. 448]. Частицы подобного рода описаны также в новейшей «Грамматике современного алтайского языка», где классифицированы по группам, в т.ч. как *ограничительные* и *выделительные* частицы [6, с. 511-515]. В обеих группах числится частица *ла*, которая «в древнетюркском и старотюркских текстах... чаще всего примыкает к глаголу и усиливает выражаемое им действие или состояние таким образом, что придает им оттенок категоричности» [7, с. 132].

В соответствующих тюркологических источниках кроме частицы *ла* описан еще и аффикс */-ла/* с аналогичной семантикой в числе показателей *процессуальной интензивности*, под которой «подразумеваются разноплановые значения, объединяемые понятием качественной и количественной модификации

действия: *усиление*, *ослабление*, *насыщенность*, *недостаточность...*, *дробность...*, *повторяемость*, *ускоренность*» [7, с. 132-133].

Как видно из нижеследующей таблицы, при явном смысловом и формальном единообразии, свидетельствующем о том, что частицы *ла* и *эле* суть одно и то же, наблюдаются отличительные свойства первой: в частности, она имеет способность согласовываться с предыдущим словом по законам вокализма и сингармонизма, тогда как вторая в этом отношении остается неизменяемой.

В кыргызском языке наиболее частотными являются случаи употребления частицы *эле* для усиления значений наречия, также распространено ее использование в сочетании с глаголом (особенно в деепричастных оборотах) и именем:

Примеры употребления частицы *ла/эле*

В ограничительной функции		
Алтайский язык	Кыргызский язык	Смысл высказывания
1. Аржан <i>ла</i> келген	Аржан <i>эле</i> келген	Пришел только Аржан
2. Класста <i>јети ле</i> бала	Класста <i>жетти эле</i> бала	В классе лишь семь детей
3. Ол <i>ло</i> болгон	Ал <i>эле</i> болгон	Он лишь был
4. Көк <i>лө</i> өңдү бос бар	Көк <i>эле</i> түстүү кездеме бар	Есть ткань только синего цвета
В выделительной функции		
5. Анда база <i>ла</i> кем де көрүнбөйт	Анда дагы <i>эле</i> эч ким көрүнбөйт	Там опять же никого не видно
6. Кече <i>ле</i> бир журналист – тин романы шүүжилген	Кечээ <i>эле</i> бир журналисттин романы талкууланган	Вчера только обсуждался роман одного журналиста
7. Ол <i>ло</i> соок турамда жадырым дейт	Ошол <i>эле</i> суук үйүмдө жатам дейт	Говорит, что живет в том же своем холодном доме

Источник: Приведены примеры из источника [6, с. 511-515].

8. Аскерден *жаңы эле* келгем [8, с. 245] / В ту пору я **только что** вернулся из армии [9, с. 487].

9. Сакманчы кыз эмнеге келди дейм, келбей *эле койбойбу?* [8, с. 357] / **Лучше бы уж она не приходила** [9, с. 586].

10. *Кылган ишиң эле жумушчулук болбосо, дилде жумушчулуктун кенедей ниети жок!* [8, с. 349] / Но ты рабочий **только** потому, что ты работаешь, а душой ты не рабочий.

Примечателен случай, больше характерный для разговорной речи, когда частица *эле* выступает в сочетании с формой будущего времени:

11. *Айтпагандачы, айтамын эле!* / А то, как же, я **(всепременно)** скажу!

В таких конструкциях подчеркивается высокая вероятность совершения действия вопреки желанию / просьбе / требованию (коммуниканта) или сложившемуся обстоятельству, при этом категоричность в высказывании достигается главным образом благодаря предикативности позиции в предложении (высказывании).

Другим отличительным свойством частицы *эле* связанным с предикативностью является то, что она

способна принимать аффиксы сказуемости:

12. *Эшикти ач, коркпо, бул мен элемин* / Открой дверь, не бойся, это я.

В приведенном примере частица *эле* в предикативной позиции посредством аффикса выступает как сказуемое. Особенность такого сказуемого в том, что оно относит к действительности не действие или состояние, а свойство: ... *это* (не чужой кто-нибудь, а **всего лишь**) я.

Примечательно, что в первой грамматике алтайского языка, изданной в 1869 г., описанию вспомогательного глагола *еде* посвящена не одна страница [10, сс. 255-260], где он практически не отличается от формы *эде*, являющейся полным диалектным эквивалентом рассматриваемой нами словоформы *эле* современного кыргызского литературного языка.

Обстоятельства, при которых сложилась равнозначность форм *эди* / *эде* и *эле*, на наш взгляд, связаны с особенностями функционирования категорического прошедшего времени на */-ды/*. На эти особенности в свое время обратил внимание К.К. Юдахин, в частности, он заметил, что вспомогательный глагол *эле* «...с прошедшим временем на */-ды/* основного глагола

указывает на безрезультатность действия или на сомнение в его результате» [5, с. 448], подкрепляя свое замечание конкретными примерами:

13. *Аскер камдай баштады эле, байбичеси болбоду / Он начал было готовить войско, но жена его не согласилась (на это).*

14. *Эл судуна берилди эле, ушул кунгө чейин карала элек / Было подано в народный суд, но до сих пор (дело) не рассмотрено.*

15. *“Келем” деди эле / Он сказал, что придет (но кто его знает).*

16. *Сөз тилинин учунда даяр боло калды эле, бирок Саадат аны айтпай токтоду / Саадат уже готов был вот-вот сказать (букв. слово на кончике языка уже было готово) но он не сказал, удержался [5, с. 448].*

В новейшей описательной грамматике кыргызского литературного языка сочетание /-ды/ +эле выделено в качестве самостоятельной формы прошедшего времени под названием *давнепрошедшее определенное время (байыркы айкын өткөн чак)* [11, с. 352]. Такая форма в системе прошедшего времени родственных языков отсутствует. Она показывает, что:

а) говорящий категоричен в констатации факта действия (события);

б) действие совершено в прошлом, несколько отдаленном от момента сообщения, причем промежуток этой отдаленности обусловлен контекстом, т. е. он может быть значительно дольше, чем при *недавнепрошедшем времени* или почти совпадать с ним.

При более детальном рассмотрении обнаруживается, что в таком сочетании функционирование эле связано с явлениями гораздо большего охвата, чем это было показано в примерах К.К. Юдахиним:

17. *“Кайнатамдын тилине салып” дегеним ага Дүйшөнаалы трактирдин кадимки тетиктерин өз аттары менен атаган жок: “жүрөк, өпкө-карын, буту-колу, кан тамыры...” деп сүйлөдү эле, чал баягыдан бетер таңыркап оо, бирокумда үн катты: Адам, бо, ошо трактириң деле киши сыяктуу тура? [12, с. 174] / Почему «на языке свёкра» - так, Дюшенаалы ему про детали трактора рассказывал, называя их такими словами, как «сердце, легкие, брюхо, руки - ноги, вены...», что старик удивленный пуце чем давеча, не сразу нашелся сказать: – Ну и дела, так ведь этот ваш трактир тоже как человек, оказывается? (подстрочный перевод М.Т.) [Использованный здесь и ниже авторский подстрочный перевод [М.Т.] на русский язык иллюстративного текста имеет целью обеспечение большей наглядности исследуемого языкового факта, и эти переводы не могут рассматриваться нигде, кроме как в рамках настоящей работы].*

Из этого примера видно, что необходимость ответной реакции наивного старика, пораженного

рассказом про трактор, актуализируется наличием вспомогательного глагола эле.

Ситуативные особенности, актуализируемые эле, могут быть выражены посредством последующих одного или нескольких (и не обязательно непосредственно следующих друг за другом) предложений.

18. *Абакка түшкөнгө чейин ал үчүн бардыгы түшүнүктүү болгонсуду эле [13:85] / До того, как он угодил в заключение, вроде бы казалось, что для него все понятно (подстрочный перевод М.Т.).*

В данном примере посредством эле акцентируется, что персонажу «до того как он попал в заключение» казалось, что «для него все понятно», т. е. предвосхищается некое обстоятельство, при котором оказывается, что в действительности «не все еще понятно», и это обстоятельство должно будет проявиться в ходе дальнейшего повествования (см. пример 15).

Таким образом, вспомогательный глагол эле в сочетании с аффиксом -ды выступает в качестве звена, актуализирующего причинно-следственную взаимозависимость в предложениях, особенно в полипредикативных построениях, что, в сущности, представляет таксисные отношения. При этом он действует очень схожим с ограничительно-выделительной частицей эле образом, что в определенных контекстных случаях может даже отождествляться (ассоциироваться) с ней. Такое положение вещей, на наш взгляд, могло (пусть и косвенно) свидетельствовать о реализовавшейся в процессе многовековой адаптации формальной транспозиции:

1) *эде* → эле; либо: 2) эле → *эде*.

Мы не беремся утверждать какую-либо из этих версий (это требует обстоятельного исследования в условиях, не стесненных заданными пределами текстового объема), лишь ограничимся предположением о наличии глагольных признаков у ограничительно-выделительной частицы эле; налицо аффиксальный характер /-ле/ и это указывает на тот факт, что словоформа эле образовалась слиянием глагольной формы /э-/ с аффиксом процессуальной интенсивности /-ла/ с последующей грамматикализацией в функции частицы; но, по-видимому, грамматикализация произошла не полностью и частица эле продолжала (кажется, *продолжает и донныне*) сохранять признаки глагола.

Таким образом, частица ла представляет собой полностью грамматикализованную, но видоизмененную частицу эле (а не наоборот); в силу своей архаичности глагол э(р) не мог «вдруг появиться» в образованиях более позднего периода, несомненно он стал «постепенно отпадать» из-за перманентной чувствительности новой словоформы к дистрибутивно обусловленным фонетическим изменениям, и она в процессе долгого эволюционирования полностью грамматикализовалась в частицу ла с фонетическими вариантами.

Литература:

1. Юнусалиев Б.М. Кыргыз диалектологиясы. - Фрунзе: Мектеп, 1971. - 292 с.
2. Древнетюркский словарь. Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев и др. - Л.: Наука, 1969. - 717с.
3. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. Ред.: Э.В. Севортян. - М.: Наука, 1974. 767с.
4. Исаев М.И. 130 равноправных. О языках народов СССР. - М., 1970. - 191 с.
5. Киргизско-русский словарь. 2-я книга. Сост. К.К. Юдахин - Фрунзе, 1985. - 480 с.
6. Грамматика современного алтайского языка. Морфология [Ответств. редактор И.А. Невская]. - Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
7. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. - Л.: Наука, 1981. - 183с.
8. Чыңгыз Айтматов. Чыгармаларынын жыйнагы. Том 1. Повесттер жана аңгемелер. - Бишкек: Шам, 1999.432с.
9. Чингиз Айтматов. Повести и рассказы. Авторский сборник. - Фрунзе: Кыргызстан, 1978. - 620с.
10. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. - 598 с.
11. Кыргыз тилинин жазма грамматикасы. Азыркы кыргыз адабий тили. - Бишкек: Аврасия Пресс, 2015. - 704 с.
12. Сагындык Өмүрбаев. Телегей. Роман. Фрунзе: Кыргызстан, 1980. - С. 174.
13. Казат Акматов. Мезгил. Роман. - Фрунзе: Кыргызстан, 1979. - С. 85.